

ЭДИТ НЕСБИТ
Дети
железной
дороги

Эдит Несбит
Дети железной дороги

«1С-Публишинг»

1906

Несбит Э.

Дети железной дороги / Э. Несбит — «1С-Публишинг», 1906

Эдит Несбит – знаменитая английская писательница, прозаик и поэт, автор множества романов, ряд из которых были экранизированы. Представляем вам одну из самых известных её книг. Роман «Дети железной дороги» впервые увидел свет в 1906 году. Выдержал несколько экранизаций и входит в золотой фонд детской литературы. Книга рассказывает о жизни лондонского семейства, перебравшегося жить в дом «Три трубы», что у самой железной дороги. Причина новоселья печальна. Отец семейства, ещё недавно сотрудник Министерства иностранных дел, обвинён в шпионаже. И теперь семье приходится нелегко. Обвинение ложное, но разбирательство будет долгим. А пока дети в новых для себя реалиях заводят дружбу с дежурным по станции и русским эмигрантом, приехавшим на Туманный Альбион в поисках своей семьи. Добрая и увлекательная история с хорошим концом. Рекомендуем и детям, и их родителям.

Содержание

Глава I. Начало всего	5
Глава II. Угольная шахта Питера	15
Глава III. Старый джентльмен	25
Глава IV. Безбилетница	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдит Несбит

Дети Железной Дороги

Глава I. Начало всего

Вначале они не были детьми железной дороги. Они даже не думали о железной дороге и использовали её только как средство передвижения, чтобы добраться до мест, где выступали легендарные фокусники Маскелайн и Кук, или до театра пантомимы, или до зоосада и музея мадам Тюссо. Они были самими обычными детьми, которые жили в пригороде со своими отцом и матерью на обычной вилле с красным кирпичным фасадом и входной дверью с витражом, коридором с кафельной плиткой (он назывался холлом), ванной комнатой с горячей и холодной водой, электрическими звонками, большими окнами, доходящими до пола, белыми стенами и всеми прочими современными удобствами, как говорят агенты по недвижимости.

Их было трое. Роберта была старшей. Конечно, у матерей никогда не бывает любимчиков, но если бы у их мамы и был бы любимчик, то им оказалась бы Роберта. Следующим по старшинству был Питер, мечтавший стать инженером, когда вырастет; и наконец младшая Филлис, которая пока никем становиться не собиралась, но всем всегда желала только добра.

Мама не тратила своё время на бесполезные визиты к скучным дамам и никогда не сидела дома в ожидании, когда скучные дамы нанесут ей визит. Она всегда была готова поиграть с детьми, почитать им или помочь сделать уроки. Кроме того, она писала истории для них, когда дети были в школе, и читала их вслух после полуденного чая. И ещё сочиняла смешные стихи на их дни рождения и по случаю других важных дат, таких как имянаречение котят, или переоборудование кукольного домика, или выздоровление от свинки.

У этих трёх детей было всё необходимое: красивая одежда, огонь в камине, прекрасная детская с горами игрушек, украшенная обоями с Матушкой Гусыней. У них была добрая и весёлая няня и собственная собака, которую звали Джеймс. У них также был идеальный отец, добрый, справедливый и всегда готовый к игре. А если он не мог поиграть, то у него была на то убедительная причина. Он объяснял её детям так интересно и забавно, что они не сомневались: папа с удовольствием присоединился бы к ним, если бы мог.

Вы наверняка думаете, что они были очень счастливы. Разумеется, это так, но они не знали, насколько они были счастливы, до тех пор, пока их благополучная жизнь на вилле не подошла к концу и им не пришлось начать совсем другую жизнь.

Ужасающая перемена пришла внезапно.

У Питера был день десятый рождения. Среди подарков он нашёл модель паровозика, такую совершенную, что невозможно передать словами! Другие подарки также были прекрасны, но локомотив лучше всего.

Радость от новой игрушки длилась ровно три дня. Затем – из-за неопытности ли Питера, или неосторожности Филлис, которой тоже хотелось поиграть с паровозиком, или по какой-то другой причине, – локомотив внезапно издал громкий звук и взорвался. Джеймс был так напуган, что убежал из детской и весь день не возвращался. Все фигурки из Ноева ковчега, которые находились в прицепе, были поломаны, но ничто иное не пострадало, кроме бедного маленького локомотива и чувств Питера. Домашние решили, что он плакал из-за этого, но, конечно, это неправда: мальчики десяти лет не плачут, какими ужасными не были бы трагедии, случающиеся по воле судеб. Питер сказал, что его глаза красные, потому что он простудился. Это оказалось правдой, хотя Питер сам ещё не знал, что с ним. На следующий день ему пришлось остаться в постели. Мама начала опасаться, не заболел ли он корью. Но вдруг мальчик сел в кровати и сказал:

– Я ненавижу кашу, и воду из ячменя, и хлеб, и молоко. Я хочу встать и по-настоящему поесть!

– Что бы ты хотел? – спросила его мама.

– Голубиный пирог, – нетерпеливо ответил Питер, – большой голубиный пирог! Очень большой!

Мама попросила кухарку сделать большой голубиный пирог. Когда пирог был готов, Питер съел его почти целиком. После этого его здоровье пошло на поправку. Мама сочиняла стихи, чтобы развлечь его. Сначала она сказала, каким несчастным, но достойным мальчиком был Питер, затем продолжила:

Один хороший мальчик
Паровозик свой любил,
Но игрушка сломалась
И сердце его сжалось...
Случилось так: центральный винт
Ужасный выкинул вдруг финт,
Внезапно он сошёл с ума –
Бабах! И наступает тьма!

И вот угрюмый мальчуган
Несётся прямо к маме,
Чтоб помогла она ему
В такой серьёзной драме.

О пассажирах он не думал,
Ему локомотив важней.
Средь множества игрушек
Потеря эта всех страшней!

Вот почему, горюя,
Наш Питер слёг в кровать
И начал сытным пирогом
Страданья заедать.
Накрывшись одеялом,
Решил он задремать,
Ведь это помогает
Тоску и боль прогнать.

И пусть придётся ждать отца
Три дня, до четверга.
Не помешает это всё
Отведать пирога.

Все надежды Питера на исцеление его паровозика теперь были возложены на отца, потому что у того были золотые руки. Он мог починить всё что угодно. Он часто выступал в качестве ветеринарного врача для деревянной лошадки-качалки; однажды он спас лошадке жизнь, когда все остальные отчаялись что-либо сделать и бедное существо было брошено на произвол судьбы – даже плотник сказал, что не знает, как ей помочь. Также отец починил колыбель куклы, тогда как никто другой не смог. И именно он, и не кто иной, с помощью

небольшого количества клея, нескольких кусочков дерева и перочинного ножа заставил всех зверей Ноева ковчега стоять стойко на своих подставках. Питер ждал приезда отца из командировки три или четыре дня.

И вот когда отец вернулся, Питер с героическим бескорытием ничего не говорил о своём локомотиве до тех пор, пока отец не поужинал и не выкурил сигару. Проявить бескорытие было идеей матери, но воплощать её пришлось именно Питеру. И для этого ему понадобилось много терпения.

Наконец мама сказала отцу:

– Теперь, дорогой, если ты достаточно отдохнул и не сильно устал, мы хотим рассказать о страшном железнодорожном происшествии и попросить твоего совета.

– Хорошо, – кивнул папа, – начинайте!

Тогда Питер поведал свою душщипательную историю и принёс то, что осталось от локомотива.

– Хм, – выдохнул папа после того, как очень внимательно осмотрел локомотив.

Дети затаили дыхание.

– Есть ли надежда? – еле слышно спросил Питер сорвавшимся от волнения голосом.

– Есть ли надежда? Ну конечно! – весело ответил отец. – Но для починки нужно ещё кое-что, помимо надежды. Скажем, паяльник или сварочный аппарат и новый клапан. Я думаю, что нам стоит отложить эту работу на чёрный день. Другими словами, я посвящу этому свой субботний полдень, и вы все поможете мне.

– Разве девочки смогут помочь в починке двигателя? – с сомнением спросил Питер.

– Конечно, смогут. Девочки такие же умные, как и мальчики, никогда не забывай об этом! Хотела бы ты стать машинистом, Фил?

– Но ведь тогда моё лицо всегда будет грязным? – спросила Филлис без энтузиазма. – И я наверняка что-нибудь сломаю.

– Я была бы в восторге от такой работы! – заявила Роберта. – Пап, как думаешь, я смогу стать машинистом, когда вырасту? Или даже кочегаром?

– Ты имеешь в виду пожарным, – сказал папа, рассматривая и крутя в руках двигатель. – Вот что я скажу: если ты всё ещё будешь этого хотеть, когда вырастешь, мы что-нибудь придумаем, чтобы ты стала пожарной. Помню, когда я был маленьким...

Именно тогда и раздался стук в парадную дверь.

– Кто это может быть? – удивился отец. – Конечно, дом англичанина – это его крепость, но мне бы хотелось, чтобы вокруг моего дома были рвы с разводными мостами.

Рут, рыжеволосая горничная, зашла в комнату и сказала, что двое джентльменов желают видеть хозяина.

– Я проводила их в библиотеку, сэр, – сообщила она.

– Вероятно, они собирают деньги для викария, – предположила мама, – или на праздничный концерт местного хора. Прошу, избавься от них как можно быстрее, дорогой. Это может испортить нам вечер, и детям совсем скоро нужно будет укладываться спать.

Но отец не смог быстро избавиться от джентльменов.

– Мне бы тоже хотелось, чтобы у нас был ров и разводной мост! – сказала Роберта. – Тогда, если бы мы не хотели видеть незваных гостей, мы могли бы просто воспользоваться подъёмным мостом, чтобы никто не смог войти в дом. Надеюсь, папа не забудет дорассказать нам историю из своего детства.

Мама пыталась скрасить ожидание, рассказывая детям новую сказку о принцессе с зелёными глазами, но им было трудно следить за повествованием, потому что они могли слышать доносившиеся из библиотеки голоса отца и джентльменов... Голос отца звучал громко, совсем не так, когда он обычно разговаривал с посетителями, которые приходили по поводу сбора денег в разные фонды.

Затем зазвонил колокольчик, и все выдохнули с облегчением.

– Они сейчас уйдут, – обрадовалась Филлис. – Папа позвонил, чтобы их проводили до двери.

Но вместо того, чтобы проводить гостей из дома, Рут вошла в комнату. Вид у неё был очень взволнованный.

– Прошу вас, мэм, – сказала она, – хозяин хочет, чтобы вы прошли в библиотеку. У него ужасное лицо, мэм. Думаю, он услышал плохие новости. Лучше бы вы подготовились к худшему, возможно, в семье кто-то умер, или ваш банк обанкротился, или...

– Достаточно, Рут, – мягко перебила её мама. – Ты можешь идти.

И мама прошла в библиотеку, откуда вновь слышались разговоры. Затем снова прозвенел звонок, и Рут вышла из дома, чтобы поймать кэб. Дети слышали, как стучат её сапоги по ступенькам. Кэб уехал, и входная дверь закрылась. После в комнату вернулась мама. Её милое лицо было таким же белым, как её кружевной воротник, а глаза неестественно блестели. Губы вытянулись в тонкую линию и стали словно чужими на её лице.

– Пора ложиться спать, – сказала она. – Рут уложит вас в постель.

– Но вы обещали, что мы сможем посидеть здесь до позднего вечера, потому что папа вернулся домой, – напомнила Филлис.

– Отец был отозван по делам, – возразила мама. – Прошу, дорогие, идите в комнаты.

Дети поцеловали её и послушно отправились в спальни. Роберта задержалась, чтобы обнять маму, и прошептала:

– Мапочка, ведь ничего плохого не случилось, правда? Никто не умер?

– Никто не умер, – заверила мама Роберту и как будто оттолкнула её. – Сейчас я ничего не могу сказать тебе, моя радость. Ну же, иди, дорогая.

И Роберта ушла.

Рут причесала девочкам волосы и помогла им раздеться. (Мама почти всегда делала это сама.) Когда горничная погасила свет и вышла из спальни девочек, она обнаружила Питера, всё ещё одетого и ожидающего её на лестнице.

– Рут, что случилось? – спросил мальчик.

– Прошу, не задавай мне никаких вопросов, тогда мне не придётся тебе врать, – ответила ему Рут. – Скоро вы сами всё узнаете.

Поздно вечером, когда дети уже спали, мама пришла их поцеловать. Роберта была единственной, кого разбудил поцелуй, но она не подала виду и ничего не сказала.

«Раз мама не хочет, чтобы мы знали, что она плакала, сделаем вид, будто так и есть. Вот и всё», – думала она, прислушиваясь в темноте к дыханию матери.

Когда на следующее утро дети спустились к завтраку, мамы уже не было.

– Она уехала в Лондон, – объяснила Рут и оставила их одних за столом.

– Случилось что-то ужасное, – проговорил Питер, разбивая яйцо. – Рут сказала мне прошлой ночью, что скоро мы всё узнаем сами.

– Неужели ты расспрашивал её о случившемся? – с презрением спросила Роберта.

– Да, расспрашивал! – сердито бросил Питер. – Может, вы и легли спать, когда мама была так взволнована, а вот я не смог!

– Не думаю, что мы должны спрашивать прислугу о том, о чём мама нам не говорит, – заметила Роберта.

– Всё верно, мисс Правильная, – поддразнил сестру Питер, – тебе впору начать проповедовать.

– Я вот совсем не правильная, – вмешалась Филлис, – но даже я думаю, что Бобби в этот раз права.

– Конечно. Она всегда права. По её собственному мнению, – сказал Питер.

– О, довольно! – воскликнула Роберта, положив на стол ложку для яиц. – Давайте не будем ссориться! Я уверена, что произошло нечто ужасное. Не стоит ухудшать ситуацию!

– Интересно, кто первый начал? – состроил гримасу Питер.

Роберта приложила над собой усилие и ответила:

– Думаю, я начала, но...

– Ладно, забыли! – торжествующе сказал Питер. И прежде чем он пошёл в школу, он хлопнул свою сестру по спине и посоветовал ей не унывать.

Когда дети вернулись домой к обеду, мамы всё ещё не было. Она не вернулась и к вечернему чаепитию. Часы пробили семь, когда она вошла в дом. Её вид был таким больным и уставшим, что дети сразу же поняли: сейчас не время задавать вопросы. Мама опустила в кресло. Филлис вынула из её шляпы длинные булавки, Роберта сняла перчатки, а Питер расстегнул её прогулочную обувь и принёс ей мягкие бархатные тапочки.

Потом она выпила чашку чая, а Роберта натёрла ей виски одеколоном, чтобы унять головную боль. Наконец мама сказала:

– Теперь, мои дорогие, нам нужно поговорить. Люди, приходившие вчера вечером, сообщили очень плохие новости, из-за которых ваш отец будет отсутствовать в течение некоторого времени. Я очень беспокоюсь об этом и хочу, чтобы вы помогли мне и не создавали никаких трудностей.

– Мы бы и не стали этого делать! – сказала Роберта, приложив руку матери к своему лицу.

– Вы мне очень поможете, – продолжала мама, – если будете добры друг к другу и не станете ссориться, когда меня не будет. – Роберта и Питер обменялись виноватыми взглядами. – Теперь мне придётся отлучаться из дома довольно часто.

– Мы не будем ссориться! Правда-правда, не будем! – хором сказали все трое. И они несколько не сомневались в своих словах.

– Кроме того, я хочу, чтобы вы не задавали мне никаких вопросов о нынешней ситуации. И не докучали вопросами другим.

Питер поёжился и переступил с ноги на ногу.

– Вы пообещаете мне это, не так ли? – посмотрела на них мама.

– Я спросил у Рут, что случилось, – неожиданно признался Питер. – Мне очень жаль.

– И что она ответила?

– Она сказала, что я и сам скоро обо всём узнаю.

– Вам не обязательно знать, что произошло, – заметила мама. – Речь идёт о папиных делах, а вы в этом ничего не понимаете, не так ли?

– Именно так, – согласилась Роберта. – Это, наверное, как-то связано с правительством? – Их отец работал в правительственном учреждении.

– Да, – подтвердила мама. – Ну а теперь время ложиться спать, мои дорогие. И не волнуйтесь. В конце концов всё встанет на свои места.

– Тогда не волнуйся и ты, мама, – сказала Филлис, – а мы будем самыми послушными.

Мама вздохнула и поцеловала их.

– С завтрашнего утра мы сразу же станем послушными, – заявил Питер, когда они поднялись наверх.

– Почему не прямо сейчас? – удивилась Роберта.

– Сейчас уже нет времени быть послушными, глупая, – ответил Питер.

– Мы можем хотя бы попытаться быть добрее, – заметила Филлис, – и не обзывать.

– А кто обзывался? – недоумённо спросил Питер. – Бобби знает, что, когда я называю её глупой, это тоже самое, как если бы я назвал её «Бобби».

– Эй! – воскликнула Роберта.

– Да я не то имел в виду. Я же назвал тебя так – как бы сказал папа? – с любовью! Спокойной ночи.

Девочки складывали свою одежду более чем аккуратно – сейчас, в столь поздний час, это был их единственный способ показать себя послушными.

– Я вот думаю, – заговорила Филлис, разглаживая свой передник, – раньше ты жаловалась, что мы скучно живём, что с нами не происходит ничего, что бывает с героями книг. Теперь вот что-то произошло.

– Я никогда не желала, чтобы случилось что-то плохое, то, отчего мама стала бы несчастна, – сказала Роберта. – Всё это совершенно ужасно!

Всё продолжало быть совершенно ужасным в течение нескольких недель.

Мама почти всё время проводила вне дома. Еда стала однообразной и невкусной. Помощница кухарки была отослана, а сестра мамы, тётя Эмма, приехала к ним в гости. Тётя Эмма была намного старше мамы. В скором времени она должна была уехать за границу работать гувернанткой. Тётя была очень занята подготовкой к этому событию, и вся её безвкусная одежда была разбросана по всем комнатам, а её швейная машинка, казалось, стучала весь день и бомльшую часть ночи. Тётя Эмма верила в то, что дети должны знать своё место. И дети не возражали, особенно если «их место» было подальше от тёти Эммы. Поэтому они старались не попадаться ей на глаза, предпочитая компанию слуг, с которыми было намного веселее. Кухарка, если она была в хорошем расположении духа, могла спеть шуточные песни, а служанка, если она не обижалась на них, могла подражать курице, которая несёт яйцо, или пробке, вылетающей из бутылки шампанского, или мяукать, как две дерущиеся кошки. Никто из прислуги не поведал детям, какие плохие новости гости принесли их отцу. Но они всё время намекали на то, что могут многое сказать, если захотят, и это сильно мучило детей.

Однажды Питер установил ловушку над дверью ванной комнаты, и рыжеволосая Рут, проходившая мимо, угодила в неё. Поймав мальчика, она надрала ему уши.

– Ты отвратительный маленький негодник! – кричала она. – Ты явно плохо кончишь! Если не исправишься, то вскоре попадёшь туда же, где сейчас твой драгоценный папочка! Это ясно как день!

Роберта повторила эти слова маме, и на следующий день Рут получила расчёт.

Однажды, придя домой, мама легла спать и не вставала с кровати два дня. Когда к ней пришёл доктор, дети тихо бродили по дому и задавались ужасным вопросом, не знаменуют ли эти события конец света.

Наконец мама спустилась к завтраку. Бледная, с новыми морщинами на лице, она выдавила из себя улыбку и сказала:

– Теперь, мои дорогие, всё улажено. Мы собираемся покинуть нашу виллу и поехать жить за город. Там нас ждёт симпатичный белый домик. Я уверена, вам он понравится.

За этой новостью последовала бурная неделя сборов. С собой они брали не только одежду, как если бы отправились на море, но и стулья и столы: сверху их накрывали мешковиной, а ножки обкладывали соломой.

Наконец все вещи были упакованы – даже те, которые обычно оставляют дома, когда отправляются на море. Посуда, одеяла, подсвечники, ковры, каркасы кроватей, кастрюли и даже каминные решётки и утюги.

Дом стал похож на мебельный склад. Детям это казалось забавным. Мама хоть и была очень занята, но находила время, чтобы поговорить с ними и почитать им. Она даже сочинила ободряющий стих для Филлис, когда та упала и поранила отвёрткой руку.

– Разве ты не собираешься упаковать это, мама? – спросила Роберта, указывая на красивый шкаф, украшенный красной черепаховой оправой и медью.

Мама покачала головой:

– Мы не можем взять всё.

– Но мы, кажется, берём с собой только самые плохие вещи, – заметила Роберта.

– Мы берём то, что может нам пригодиться, – пояснила мама. – Мы должны немного поиграть в бедных, моя птичка.

Когда все некрасивые, но зато полезные вещи были упакованы, мужчины в фартуках из зелёного сукна погрузили их в фургон. Девочки, мама и тётя Эмма спали в двух свободных и шикарно обставленных спальнях для гостей. Все их кровати исчезли. Питеру постелили на диване в гостиной.

– Знаешь, это даже забавно! – сказал он, радостно ворочаясь в постели, когда мама укладывала его. – Мне даже нравится переезд! Вот бы мы переезжали раз в месяц!

Мама засмеялась:

– Ну уж нет! Спокойной ночи, милый Питер.

Когда она отвернулась, Роберта увидела её лицо. Она запомнила его выражение на всю жизнь.

– О, мама, – прошептала она еле слышно, ложась в постель, – какая ты смелая! Как же я тебя люблю! Не могу даже представить, насколько ты смелая, раз продолжаешь смеяться, когда на душе так скверно!

На следующий день повсюду стояли заполненные ящики, много-много ящиков. Ближе к вечеру приехал кэб, чтобы отвезти их на станцию.

Тётя Эмма провожала семью. Дети радовались, что наконец-то расстаются с ней.

– Не завидую я детям из другой страны, у которых она будет гувернанткой! – прошептала Филлис. – Не хотела бы я оказаться на их месте!

Поначалу им нравилось смотреть в окно вагона, но с наступлением сумерек они стали клевать носом. Когда их разбудила мама, никто из детей не знал, сколько времени они провели в поезде.

– Проснитесь, дорогие, – трясла их мама за плечи. – Мы приехали.

Они проснулись продрогшими и унылыми. Стоя на грязной платформе, дети наблюдали за тем, как их багаж забирают с поезда. Затем двигатель, пыхтя и гудя, снова принялся за работу, и поезд отправился дальше. Дети наблюдали, как задние фонари тормозного вагона исчезают в темноте.

Это был первый поезд, который они увидели на той самой железной дороге, которой суждено было со временем стать им по-настоящему дорогой. Тогда они не догадывались, что вскоре полюбят железную дорогу и что она станет центром их новой жизни. Они и не подозревали, какие чудеса и перемены она им принесёт. Они только дрожали и чихали, надеясь, что прогулка до нового дома не будет слишком долгой. У Питера ещё никогда не замерзал так нос. Шляпа Роберты была повернута набок, а резинка, казалось, была завязана туже, чем обычно. Шнурки на ботинках Филлис развязались.

– Пойдёмте, – сказала мама, – придётся идти пешком. Здесь кэбы не ходят.

Дорога была тёмной и грязной. Дети постоянно спотыкались о кочки. Филлис почувствовала головокружение и даже упала в грязную лужу. Мокрой и несчастной, ей помогли подняться. Газовых фонарей не было, и дорога всё время поднималась в гору. Они следовали за скрипучими колёсами повозки. Когда их глаза привыкли к темноте, они разглядели перед собой покачивающуюся гору ящиков.

Показались широкие ворота, которые им пришлось открыть самим, чтобы повозка смогла проехать, и после этого дорога, казалось, шла через поля. Теперь они начали спускаться по склону. Через какое-то время справа от себя они заметили нечто большое, тёмное и не имеющее определённой формы.

– А вот и дом, – сказала мама. – Интересно, почему она закрыла ставни.

– Кто – она? – спросила Роберта.

– Женщина, которую я наняла, чтобы она прибралась перед нашим приездом, расставила мебель и приготовила ужин.

Сам дом был огорожен стеной, и вокруг него росли деревья.

– Это сад, – сказала мама.

– Больше похоже на кастрюлю, полную чёрной капусты, – заметил Питер.

Повозка направилась вдоль стены, завернула к заднему входу в дом, с оглушительным грохотом врезалась в вымощенный булыжником двор и остановилась у задней двери.

Ни в одном из окон не горел свет.

Все начали стучать в дверь, но никто не вышел.

Человек, который управлял повозкой, предположил, что миссис Вайни уже ушла к себе домой.

– Ваш поезд сильно опоздал, – сказал он.

– Но ведь у неё ключ, – заволновалась мама. – Что же нам теперь делать?

– Она наверняка оставила его под лестницей, – успокоил её возница, – тут так заведено. –

Он принёс из повозки фонарь и нагнулся, чтобы достать ключ. – А вот и он, я был прав.

Отперев дверь ключом, мужчина вошёл внутрь и поставил фонарь на стол.

– Свечи не найдётся? – спросил он.

– Я даже не знаю, что и где тут находится. – Мамин голос изменился, в нём больше не было прежней бодрости.

Возница чиркнул спичкой. На столе стояла свеча, и он зажгёт её. В слабом свете свечи дети увидели, что находятся в просторной кухне с каменным полом. Тут не было ни занавесок, ни коврика перед очагом. Посреди кухни стоял знакомый им стол из их дома. В дальнем углу были составлены все стулья, а горшки, кастрюли, соломенные веники и вся кухонная утварь были нагромождены в противоположном углу. В очаге не было ни огонька, лишь старые сожжённые угли.

Мужчина занёс последний ящик в дом и собрался уже было уйти, когда послышался шуршащий непривычный звук, который, казалось, исходил из самих стен дома.

– Ой, что это?! – вскрикнули девочки.

– Ничего особенного, всего лишь крысы, – ответил возница. И с этими словами он вышел и закрыл за собой дверь, отчего ворвавшийся снаружи ветер погасил свечу.

– О, мама! – воскликнула Филлис, случайно опрокинув табурет. – И зачем мы только переехали!

– Всего лишь крысы! – повторил Питер слова возницы.

Глава II. Угольная шахта Питера

– Какие глупости! – воскликнула мама, нащупав рукой коробок спичек. – Бедные мышата, наверное, перепугались. Я уверена, что это именно они, а не какая-то крыса.

Она вновь зажгла свечу, поднеся к ней спичку, и в тусклом свете все вновь смогли видеть друг друга.

– Ну! – сказала мама. – Вы же всегда так мечтали, чтобы случилось что-нибудь интересное! Разве это не приключение?! Я попросила миссис Вайни купить нам хлеба, масла и немного мяса и приготовить для нас что-нибудь поесть. Уверена, в столовой нас ждёт ужин. Пойдёмте, проверим, так ли это.

Кухонная дверь вела прямо в столовую. Тут было гораздо темнее, чем на кухне, и света свечи не хватало, чтобы всё разглядеть. Всё потому, что кухню не так давно тщательно отмыли, а столовая всё ещё была чёрная от самого пола и до потолка, который поддерживали тяжёлые деревянные балки. Комната была заставлена хорошо знакомой мебелью. Казалось, с тех пор, как они покинули родной дом, прошла целая вечность.

Да, в столовой действительно был стол и стулья, но вот ужина тут не оказалось.

– Давайте посмотрим в других комнатах, – предложила мама, и все последовали за ней.

В каждой комнате их встречали одинаковые горы неразобранной мебели, утюгов, посуды и разных предметов быта, но ничего из этого не было съедобным; даже в кладовке нашлись лишь ржавая медная форма для выпечки и сломанная тарелка с остатками молока.

– Какая ужасная старуха! – воскликнула мама. – Она просто взяла деньги и ушла, так нам ничего и не приготовив!

– Значит, мы останемся без ужина? – ошеломлённо спросила Филлис, наступив на тарелку, которая тут же треснула под её ногой.

– Не спеши, – сказала мама, – мы поедим, но сначала нужно распаковать один из тех больших ящиков с вещами, которые мы оставили в подвале. Фил, будь осторожна, смотри под ноги, дорогая. Питер, поддержи свечу.

Из кухни они открыли дверь в погреб. Там было пять деревянных ступеней, ведущих вниз. Это был не совсем погреб, подумали дети, потому что потолок был таким же высоким, как и на кухне. Под потолком на полке лежали дрова, уголь и много разных вещей.

Питер держал свечу, встав спиной к стене, пока мама пыталась открыть большой ящик. Но он был надёжно закрыт.

– Где молоток? – спросил Питер.

– В том-то и дело, – вздохнула мама, – я боюсь, что он внутри. Но зато я нашла совок для золы и... кочергу.

Вооружившись этими инструментами, она принялась открывать ящик.

– Позволь мне помочь, – сказал Питер, уверенный, что сможет открыть его быстрее. Когда мы видим, как другой человек ворошит угли в очаге, или пытается открыть деревянный ящик, или развязывает узелок на верёвке, то думаем, что сделаем это лучше.

– Мама, ты так поранишься, – сказала Роберта, – давай лучше я.

– Вот бы здесь был папа, – тяжело вздохнула Филлис, – он бы в два счёта справился. Ай, ты чего пинаешься, Бобби?!

– Я не пинала тебя, – сквозь зубы процедила Роберта.

В этот момент один из длинных гвоздей начал поддаваться. Они подняли сначала одну деревянную балку, а затем и три остальных. С торчащими длинными гвоздями, которые злоеюще поблёскивали в свете свечи, балки были похожи на железные зубы чудовища.

– Ура! – воскликнула мама. – А вот и свечи... это сейчас самое важное! Девочки, найдите блюдца, капните немного воска и поставьте в него свечи, чтобы они держались.

– Сколько свечей нужно зажечь?

– Сколько хотите, – бодро ответила мама. – Самое главное – не унывать. А в темноте все унывают, кроме разве что сов и сонь.

Девочки зажгли свечи. У свечи Филлис отлетела головка, и девочка обожглась. Но Роберта сказала, что это лишь небольшой ожог и Филлис должна быть рада, что не живёт во времена римских мучеников, когда было принято сжигать людей заживо.

Когда огонь четырнадцати свечей осветил столовую, Роберта сходила за дровами и углём и принялась разжигать огонь в камине.

– Сейчас совсем не по-майски холодно, – совсем как взрослая заметила Роберта.

Тепло огня и свет свечей совершенно преобразили столовую, и теперь можно было видеть, что на тёмных стенах были всего лишь деревянные панели, окрашенные в чёрный цвет. На них были вырезаны разные орнаменты в виде цветочных венков и спиралей.

Девочки поспешно стали прибирать комнату: поставили стулья у стены, сложили всё лишнее в угол и спрятали некоторые вещи под широкое кожаное кресло, в котором папа обычно сидел после обеда.

– Bravo! – воскликнула мама, входя с подносом, на котором стояло много разных вещей. – Так намного лучше! Теперь нужно найти скатерть, а затем...

Скатерть оказалась в ящике под замком, который открывался не совком, а ключом. Когда скатерть постелили на стол, начался настоящий пир.

Все сильно устали, но сейчас приободрились от одного взгляда на заставленный яствами стол. Чего тут только не было! И печенье, и пирожные, и сардины, и консервированный имбирь, и изюм, и цукаты, и мармелад.

– Как замечательно, что тётя Эмма решила положить нам с собой всю еду, что хранилась у нас в доме, – сказала мама. – Филлис, пожалуйста, не клади ложку, которой ела мармелад, в банку с сардинами.

– Не буду, мама, – ответила Филлис и положила ложку в тарелку с печеньем «Мария».

– Давайте поднимем бокалы за здоровье тётушки Эммы, – внезапно предложила Роберта. – Только представьте, что бы мы сейчас делали, если бы она не положила нам всю эту еду! За тётю Эмму!

Они выпили разбавленное водой имбирное вино из чайных чашек с узором из ивы, потому что настоящих бокалов они пока не нашли.

Все чувствовали себя немного виноватыми перед тётей Эммой. Она, конечно же, не была такой же открытой и ласковой, как мама, но именно она догадалась положить в их багаж еду.

И именно тётя Эмма догадалась проветрить их постельное бельё. Люди, которые привезли мебель, расставили кровати по местам, так что сейчас осталось только застелить их.

– Спокойной ночи, мои цыплята, – сказала мама. – Я уверена, что никаких крыс тут нет. Но я всё же оставляю дверь приоткрытой на случай, если к вам заглянет мышонок... Позовите меня, я приду и выскажу ему всё, что о нём думаю. – И она ушла в свою комнату.

Роберта проснулась оттого, что в два часа ночи пробили маленькие дорожные часы. Они звучали как церковные часы, распложенные где-то очень далеко. Она краем уха слышала, как мама всё ещё ходит по своей комнате.

На следующее утро Роберта разбудила Филлис, осторожно дёрнув её за волосы.

– Что такое? – в полудрёме пробормотала Филлис.

– Просыпайся, давай же, проснись! – сказала Роберта. – Мы теперь живём в новом доме, не забыла? Здесь у нас никакой прислуги не будет. Давай проснёмся пораньше и начнём делать полезные дела. Нам надо спуститься вниз и, пока мама не проснулась, прибраться, чтобы всё было красиво. Я и Питера разбудила. Он уже одевается. Ну же, вставай!

Девочки быстро оделись, стараясь не шуметь. Конечно, в их комнате не было воды, поэтому им пришлось спуститься во двор, чтобы с помощью насоса умыться возле колодца.

Причём сделать это они могли только вдвоём: пока одна качала насос, другая торопилась умыться. Это было неудобно, но забавно.

– Так гораздо веселее, чем умываться из ковша, – сказала Роберта. – Ты посмотри только, как сверкает трава между камнями, а какой мох на крыше, какие цветы!

Крыша со стороны кухни у боковой стены спускалась до самой земли. Она была сделана из соломы, и сквозь неё были видны мох, лук-порей, заячья капуста, садовые цветы, среди которых был даже фиолетовый гладиолус.

– Здесь намного красивее, чем на нашей прежней вилле, – сказала Филлис. – Как же мне интересно посмотреть на сад!

– Нам нельзя сейчас отвлекаться на сад, – категорично заявила Роберта. – Пойдём обратно в дом, у нас есть работа.

Девочки растопили печь, поставили закипать чайник и расставили столовые приборы к завтраку; они не смогли найти многие необходимые вещи, поэтому пришлось использовать папину стеклянную пепельницу как солонку, а противень для выпечки как хлебницу – правда, он не пригодился, потому как хлеба у них не было.

Когда всё самое важное было сделано, они вышли подышать свежим воздухом во двор, залитый ярким солнечным светом.

– Пройдёмся по саду, – предложил Питер.

Но дети так и не смогли найти сад. Они дважды обошли всю территорию. Весь задний двор занимали хозяйственные постройки – кажется, это были конюшни и сарай. С трёх других сторон дом окружали поля. Никакого сада, который бы отделял участок от торфянистой равнины, тут не было. И всё же дети были уверены, что видели часть сада прошлой ночью.

Дом находился на возвышенности. Внизу виднелись линия железной дороги и чёрная пасть туннеля. Станцию отсюда было не разглядеть, зато виднелся мост с высокими арками на краю долины.

– Какая разница, есть тут сад или нет, – сказал Питер. – Давайте спустимся и посмотрим на железную дорогу. Там могут проходить поезда.

– Мы можем видеть их и отсюда, – медленно проговорила Роберта. – давайте посидим немного.

И они втроём уселись на большой плоский серый камень, который одиноко возвышался над травой. Когда мама вышла в восемь утра во двор в поисках детей, она увидела, как они крепко спят, уткнувшись друг в друга под тёплыми лучами солнца.

Дети отлично справились, когда зажгли огонь и поставили чайник в половине пятого утра. Только вот к восьми часам огонь погас, вся вода выкипела, а дно самого чайника было прожжено до черноты. О мытье посуды можно было не думать до самого завтрака.

– Пока оставим чашки и блюда здесь, – сказала мама. – Я нашла ещё одну комнату – совсем забыла о её существовании. Она волшебная! И я уже вскипятила воду для чая в кастрюле.

Забытая комната открылась из кухни. Вчера ночью из-за полумрака и всеобщего волнения они приняли дверь за буфет. Но оказалось, что она вела в небольшую квадратную комнату, где на накрытом столе стояли уже остывший ростбиф, хлеб, масло, сыр и пирог.

– Пирог на завтрак! – воскликнул Питер. – Вот здорово!

– Это, конечно, не голубиный пирог, а всего лишь яблочный, – улыбнулась мама. – Это ужин, который мы должны были съесть прошлой ночью. А вот и записка от миссис Вайни. Её зять сломал руку, и ей пришлось вернуться домой пораньше. Она придёт сюда в десять.

Это был чудесный завтрак. Необычно начинать день с холодного яблочного пирога, но дети решили, что лучше есть его, чем мясо.

– Для нас это не завтрак, а скорее обед, – сказал Питер, протягивая свою тарелку для добавки, – мы ведь так рано встали.

Потом дети помогали маме распаковывать и расставлять вещи. Шесть маленьких ног стали болеть от постоянного бега, пока их обладатели переносили одежду, посуду и разные вещи на свои места. Только во второй половине дня мама сказала:

– Мы сегодня отлично потрудились. Я прилягу на часок, чтобы к вечеру быть свежей, как жаворонок.

Тогда дети переглянулись. На их лицах читалась одна и та же мысль. Она, как «Энциклопедия для детей», состояла из вопроса и ответа.

Вопрос: куда мы пойдём?

Ответ: на железную дорогу.

Итак, к ней они и направились. Выходя из дома, они увидели, где был спрятан сад. Окружённый высокой стеной, он находился прямо за конюшней.

– Давайте не отвлекаться на сад! – воскликнул Питер. – Утром мама уже рассказала мне, где он находится. Он подождёт нас до завтра, а сейчас пойдём на железную дорогу.

Путь к железной дороге пролегал по торфяному пригорку, буквально усеянному пушистыми кустарниками и жёлто-серыми скалами, отдалённо напоминающими свечи на торте.

Дорога завершилась крутым поворотом и деревянным забором – там и была железная дорога со сверкающими в свете солнца рельсами, телеграфными проводами, столбами и разноцветными сигналами семафоров.

Как только дети забрались на забор, тут же раздался грохочущий звук, который заставил их взглянуть вдоль линии вправо, где у скалистого утёса зияла тёмная пасть туннеля. В одну секунду из него со свистом и фырчаньем вырвался поезд; он промчался мимо детей на бешеной скорости. Они почувствовали порыв ветра на коже, и галька под ногами запрыгала и загремела.

– Ух ты! – выдохнула Роберта. – Мимо нас будто пронёсся огромный дракон! Он чуть не сбил нас с ног, когда хлопал своими горячими крыльями!

– Я всегда представляла себе логово дракона похожим на этот туннель, – сказала Филлис. А Питер добавил:

– Никогда не думал, что мы сможем подобраться к поезду так близко. С ума сойти можно!

– Лучше, чем игрушечный, не так ли? – усмехнулась Роберта.

(Пожалуй, дальше я не стану называть Роберту её полным именем. Да и зачем? Никто, кроме меня, её так не называет. Все остальные зовут её Бобби, так почему бы и мне не последовать их примеру?)

– Это другое... – сказал Питер. – Так странно видеть весь поезд. Он невероятно длинный!

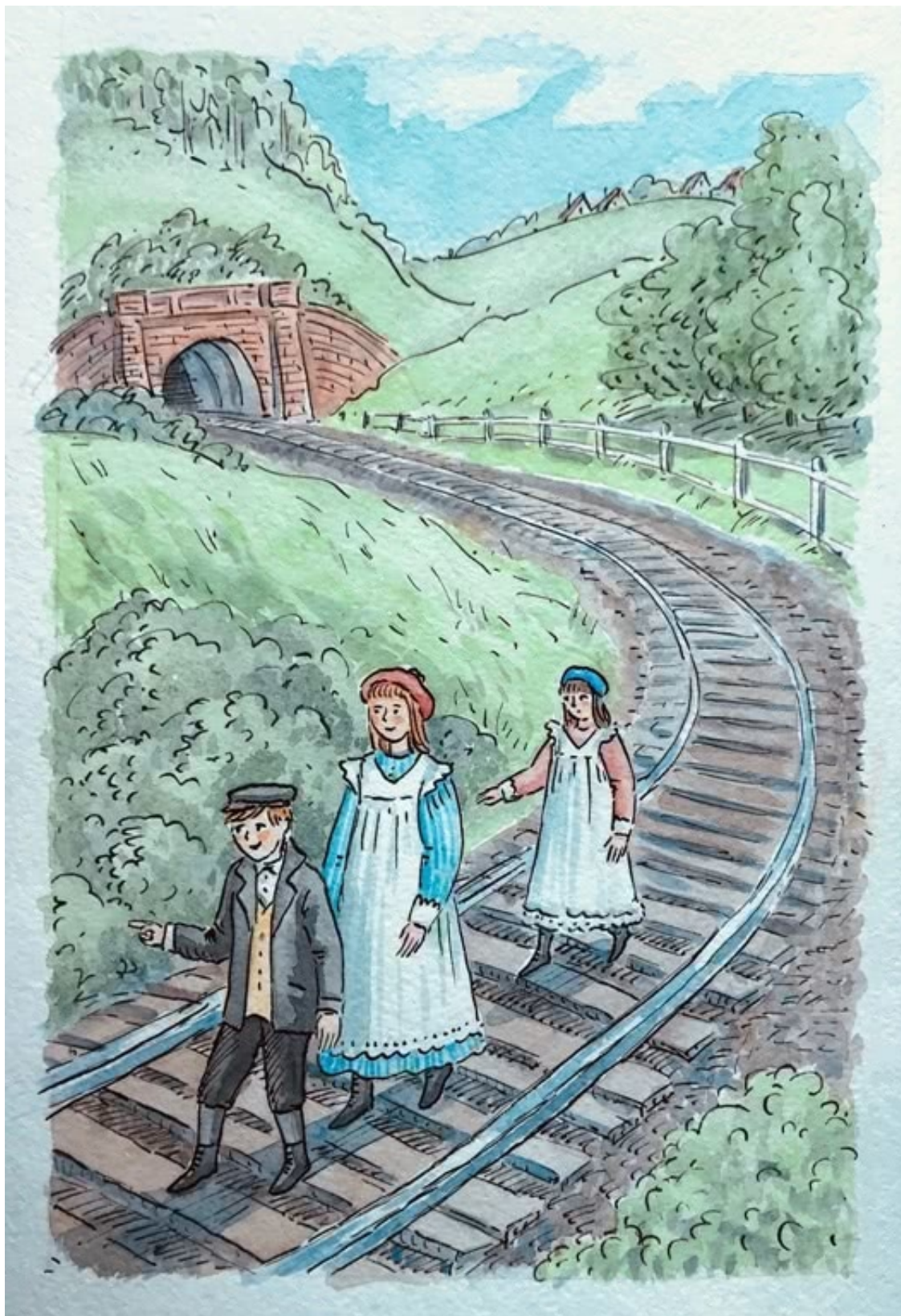
– Мы никогда не видели поезда целиком, только разрезанные пополам платформой, когда не видно их низа, – заметила Филлис.

– Может быть, этот поезд направился в Лондон. К папе, – вставила Бобби.

– Пойдёмте на станцию и узнаем! – предложил Питер.

И они отправились на станцию.

Они шли по шпалам и слышали, как над их головами гудят телеграфные провода. Когда вы в поезде, кажется, что расстояние между столбами совсем небольшое, из окна вагона их даже трудно сосчитать. Но когда идёшь пешком, то столбов будто бы совсем немного.

Наконец дети добрались до станции.

Никогда прежде они не бывали на станции просто так, без определённой цели. Обычно они приходили сюда, чтобы куда-то уехать или кого-то встретить, и всегда в сопровождении взрослых, которые совсем не интересовались железной дорогой и всегда желали поскорее уйти отсюда.

Прежде они не проходили к путям так близко, чтобы иметь возможность увидеть провода и услышать загадочный «пинг... пинг...», сопровождаемый громким и твёрдым постукиванием машины.

Те самые шпалы, на которых лежали рельсы, представляли собой замечательное место для игр: они находились на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы служить отличными камнями в игре в бурлящий речной поток, которую придумала Бобби.

Затем, чтобы оказаться на станции, дети прошли не через билетную кассу, а вскарабкались по крутой насыпи напрямиком на платформу. Это было так весело!

Ещё большей радостью было попасть в служебную комнату, где горели лампы, на стене висело расписание всех поездов, а единственный носильщик дремал за раскрытой газетой.

К станции сходились многочисленные колеи; некоторые из них прерывались в депо, словно были предназначены для старых поездов, которые слишком устали и решили выйти на пенсию. Здесь на рельсах стояли грузовые поезда, и с одной стороны была настоящая стена угля – не рыхлая куча, которую вы можете увидеть в своём угольном погребе, а прочное возвышение, выстроенное из больших чёрных блоков-кирпичиков. Это напомнило детям города, которые были изображены на картинках в книге «Библейские истории для детей». Поверху тянулось что-то, похожее на белую полосу.

Носильщик, разбуженный двукратным ударом гонга, вышел из служебной комнаты. Питер быстро поздоровался с ним и поспешил узнать, что обозначает белая метка на куче угля.

– Эта метка указывает, сколько должно быть угля, – ответил носильщик, – чтобы мы знали, если кто-нибудь его утащит. Так что даже не думайте прятать его в карманы, молодой джентльмен!

В тот день эта шутка весьма позабавила Питера, и он даже почувствовал к новому знакомому симпатию. Но он и не предполагал, что позже эти слова приобретут совсем иной смысл...

Доводилось ли вам когда-нибудь оказаться на фермерской кухне, когда у огня поднимается пышный пирог? Если доводилось и если в то время вы были ещё достаточно молоды, чтобы интересоваться всем окружающим, то вы наверняка помните, что оказались совершенно не в силах противостоять искушению проткнуть пальцем мягкое, похожее на гигантский гриб тесто. И вы, конечно, не забыли, как ваш палец оставил вмятину, которая медленно исчезала, пока тесто не стало выглядеть точно так же, как если бы вы его и не касались. Но, конечно, если ваша рука тогда была грязной, то на тесте остался тёмный след.

Что-то подобное происходило и с чувствами детей. Они грустили из-за отъезда папы, вынужденного переезда и оттого, что мама была подавлена, но грусть постепенно рассеивалась....

Вскоре Питер, Бобби и Филлис привыкли жить без отца, хотя и не забыли его; ещё они привыкли не ходить в школу и редко видеть маму, которая теперь днями напролёт сидела в своей комнате наверху и что-то писала, писала, писала. Она спускалась в пять часов вечера к чаю и вслух читала написанные ею рассказы. По-настоящему увлекательные рассказы!

Скалы и холмы, необыкновенно живописные долины и зелёные леса, канал и, главное, железная дорога подарили Питеру, Бобби и Филлис новые эмоции, которые быстро вытеснили прекрасные воспоминания о старой жизни на вилле. Детям вдруг стало казаться, что прошлая жизнь им и вовсе приснилась.

Мама не раз говорила детям, что их семья сейчас очень бедна, но они воспринимали это как просто слова. Взрослые люди, даже мамы, часто делают замечания, которые, кажется, ничего не значат, просто чтобы что-то сказать. На столе у них всегда была еда, и они носили ту же самую красивую одежду, что и на вилле.

Но однажды в июне погода испортилась на целых три дня. Лил такой проливной дождь, как будто бы с неба ссыпались копья, и было очень-очень холодно. Никто не мог выйти наружу,

холодно было даже дома, все продрогли. Тогда дети подошли к двери маминой комнаты и постучали.

– Да, что такое? – спросил мамин голос.

– Мама, – начала Бобби, – можно мне разжечь огонь? Я знаю, как это делается!

– Нет, милая, – ответила мама. – Мы не можем топить печь в июне, уголь стоит очень дорого. Если вы замёрзли, пойдите поиграйте в мансарде, так вы сразу же согреетесь.

– Но, мама, нам потребуется совсем немного угля.

– Немного, но всё равно больше, чем мы можем себе позволить, мои утята. Ну, бегите! Я очень занята сегодня!

– Мама теперь всё время занята, – прошептала Филлис Питеру. Тот лишь пожал плечами, ничего не ответив, и задумался.

Мысли недолго тревожили Питера, ведь чердак преобразился в настоящее логово разбойников. Атаманом был, конечно же, Питер. Бобби исполняла сразу несколько ролей: она была правой рукой главы бандитов, а также всей шайкой; кроме того, она стала играть роль родителя Филлис, похищенной и пленённой разбойниками девушки, за которую был незамедлительно уплачен выкуп – горстка конских каштанов.

К чаю дети спустились растрёпанные и разгоряченные, как и подобает горным разбойникам.

Когда Филлис собиралась добавить варенье на кусок хлеба с маслом, мама сказала:

– Варенье *или* масло, дорогая, но не варенье *с* маслом. Сейчас мы не можем позволить себе такую безрассудную роскошь.

Филлис молча доела хлеб с маслом, а затем намазала варенье на другой кусок хлеба и съела его. Питер в раздумьях пил слабо заваренный чай.

Вернувшись после чая на чердак, он сказал своим сёстрам:

– У меня есть идея.

– И что за идея? – вежливо поинтересовались девочки.

– Я вам не скажу, – резко ответил Питер.

– О, ну хорошо, – ответила Бобби, а Фил добавила:

– И не надо.

– Девочки, такие торопыги! – заявил Питер.

– А мальчики, значит, нет? – презрительно фыркнула Бобби. – Нам совсем не интересно, что взбрело тебе в голову.

– Вы всё узнаете, когда придёт время, – с неожиданным смирением сказал Питер. – Если бы вы не были так увлечены спором, я бы промолчал о своём благородстве, из-за которого решил не втягивать вас в это. Но теперь я решил вообще не делиться с вами своим планом!

И действительно, прошло какое-то время, прежде чем девочкам удалось уговорить Питера рассказать о своей затее. Но и тогда он поведал совсем немного:

– Единственная причина, по которой я не хотел делиться с вами своей идеей, заключается в том, что она может принести всем нам неприятности. Поэтому мне лучше вас в это не втягивать...

– Если это что-то плохое, то поручи это мне, – сказала Бобби.

– Если вы собрались поступить плохо, то и я с вами! – вмешалась Филлис.

– Нет, – сказал Питер, весьма тронутый этой преданностью. – Это гиблое дело, я намерен сделать его сам. Всё, что я прошу, это не рассказывать маме, когда она спросит, почему меня нет дома.

– Как же мы проболтаемся, если сами ничего не знаем?! – возмутилась Бобби.

– Ладно! – выдохнул Питер, перебирая в руках конские каштаны. – Я доверю вам свою тайну. Я собираюсь сделать что-то такое, что некоторые могут посчитать неправильным, но я всё равно рискну... Если мама спросит вас, где я, скажите, что я играю возле шахт.

- Каких шахт?
- Шахт – и всё.
- Скажи нам хотя бы это, Пит!
- Хорошо, возле угольных шахт. Но об этом – ни слова, даже под угрозой пыток!
- Само собой, – ответила Бобби, – но мне кажется, мы могли бы тебе помочь.
- Если я найду угольную шахту, вы поможете мне перевозить уголь, – пообещал Питер.
- Ну и ладно, не хочешь, не говори! – надулась Филлис.
- Если, конечно, сможешь не проговориться, – поддразнила брата Бобби.
- Я-то уж точно не проговорюсь! – заявил Питер.

Даже в самых строгих семьях между чаем и ужином следовал короткий перерыв. В это время мама обычно писала, а миссис Вайни уходила к себе домой.

Через два дня после того, как Питера осенила его загадочная идея, во время такого перерыва он таинственно поманил девочек рукой.

- Идёмте со мной, – сказал он, – и принесите римскую колесницу.

Римской колесницей они называли старую детскую коляску, которая из-за ненадобности провела годы на чердаке над кухней. Дети смазали её колёса, чтобы она могла катиться бесшумно, как пневматический велосипед, и управлять ей стало легче, чем даже когда она была новая.

– Следуйте за своим бесстрашным главарём! – воскликнул Питер и повёл сестёр вниз по склону к станции.

Над станцией, словно любопытные дети, тянущие шеи, чтобы взглянуть на железную дорогу, сгрудились валуны.

В небольшой впадине между тремя валунами лежала собранная куча сухой ежевики и вереска.

Питер остановился, отбросил хворост мыском ботинка и сказал:

– Вот первый уголь, добытый в шахте Святого Питера. Мы отвезём его домой в колеснице. Отправление должно быть без опозданий! Все заказы наших дорогих клиентов будут исполнены! Для них мы будем укорачивать каждую неровную кучу!

Колесница была заполнена углём. Но потом дети были вынуждены разгружать уголь, потому что даже втроём они не смогли преодолеть возникший на их пути холм.

Питер тянул колесницу спереди, как лошадь, а девочки толкали её сзади.

Им пришлось совершить три поездки, прежде чем уголь из шахты Питера пополнил мамин запас угля в подвале.

После этого Питер вновь оставил девочек одних. Через какое-то время он вернулся весь перепачканный в угле, с таинственным блеском в глазах.

– Я был на собственной угольной шахте, – сказал он. – Завтра вечером мы ещё принесём домой чёрные бриллианты в колеснице.

Через неделю миссис Вайни с удивлением отметила в разговоре с мамой детей, как невероятно долго не расходуется последняя партия угля.

Услышав это, дети, которые тогда находились на лестнице, принялись обнимать друг друга, едва сдерживая хохот. К тому времени они уже совсем позабыли, что поначалу Питера терзали сомнения в том, хорошей ли идеей была добыча угля.

Всё закончилось одной ночью, когда начальник станции надел свои бесшумные, мягкие сандалии – он носил их летом во время отдыха на пляже – и прокрался в них во двор, где, подобно Содому и Гоморре, высилась отмеченная белой полосой чёрная куча угля. Он затаился в тени отцепленного вагона с маленькой трубой, на котором было написано:

*Г. Н. и С. Р.
34576.*

Незамедлительно вернуть к запасным путям «Белый вереск».

Начальник станции стал выжидать свою добычу, как кот у мышиной норы. На самом верху кучи шуршало и копошилось небольшое, тёмное существо.

Он подобрался ближе, поднял руку и в нужный момент крепко схватил существо за воротник. Добычей начальника станции оказался не кто иной, как Питер, в дрожащих руках которого была плотницкая сумка, полная угля.

– Наконец-то я поймал тебя, воришка! – вскричал начальник станции.

– Я не вор! – возразил Питер так твёрдо, как только мог в его положении. – Я шахтёр.

– Эти сказки будешь рассказывать морским пехотинцам, когда я передам тебя им в руки, – сказал начальник станции.

– Но это правда, и я могу повторить свои слова кому угодно, – сказал Питер.

– Как же! – проговорил начальник станции, крепко держа его за шиворот. – Пойдёшь со мной на станцию, а пока что б ни звука от тебя не было, негодник!

– Только не это! – послышался из темноты полный отчаяния детский голосок, который явно принадлежал не Питеру.

– Только не в полицию! – раздался ещё один голос из темноты.

– Пока мы пойдём на станцию, а там посмотрим, – сказал начальник станции. – Значит, у нас тут целая шайка? И сколько вас?

– Только мы, – хором ответили Бобби и Филлис, выходя из тени грузового вагона с надписью «Угольная шахта Стейвли», под которой мелом были выведены слова: «Требуется на путь № 1».

– Зачем вы за мной шпионили?! – сердито спросил Питер.

– Следить за тобой надо было раньше! – ответил начальник станции. – А теперь пришло время принять меры. Следуйте все за мной!

– Прошу, не надо! – взмолилась Бобби. – Не могли бы вы решить прямо сейчас, как с нами поступить? Мы с сестрой виноваты не меньше Питера. Мы помогли отвозить уголь, хотя знали, откуда он.

– Ничего вы не знали, – возразил Питер.

– Мы всё знали, – продолжала настаивать Бобби. – Знали с самого начала. Мы только делали вид, что не знаем, мы решили тебе подыграть.

Чаша терпения Питера была переполнена. Он добывал уголь в этих кучах, рубил его, а теперь его с позором схватили, и вдобавок ко всему выяснилось, что сёстры ему «подыгрывали»!

– Можете отпустить меня! – сказал он начальнику станции. – Я не сбегу.

Мужчина ослабил хватку, достал спичку и чиркнул по ней, а после при слабом свете стал рассматривать лица детей.

– Да я вас знаю! – проговорил он. – Вы живёте в доме под названием «Три трубы». Обычно вы такие ухоженные, нарядные. Может, поведаете мне, что заставило вас совершить подобный проступок? Разве вы никогда не были в церкви и не слушали заповедей про то, что воровать грешно? – Теперь он говорил гораздо мягче.

– Я понятия не имел, что это было воровство, – признался Питер. – Я был почти уверен, что это не так. Я подумал, что если бы я взял уголь с поверхности, то тогда это была бы кража, а если я беру уголь из середины, то я его добываю своим трудом. Вам понадобится тысяча лет, чтобы сжечь весь этот уголь и добраться до середины!

– Всё не совсем так. Но ответь мне, ты сделал это ради забавы?

– Да в чём же здесь забава, когда приходится тащить в гору такую груду угля! – возмущённо ответил Питер.

– Тогда зачем? – Голос начальника станции стал настолько добрым, что Питер решил рассказать ему правду.

– Помните, недавно испортилась погода, было холодно и шёл дождь? Тогда мама сказала, что мы слишком бедны, чтобы переводить уголь летом. Но в нашем прежнем доме мы всегда топили печи, когда было холодно...

– Простите нас! – взмолилась Бобби еле слышным шёпотом.

– Что ж, – начальник станции задумчиво потирал подбородок, – я скажу вам, что сделаю. Сейчас я отпущу вас с предупреждением. Запомните, молодые люди: воровство есть воровство – и не важно, где вы берёте уголь, он вам не принадлежит. А теперь бегите домой.

– Неужели вы нас не накажете? Вы такой добрый! – порывисто воскликнул Питер.

– Да, вы просто чудо! – подхватила Бобби.

– Просто душка! – добавила Филлис.

– Ну будет вам, – отмахнулся начальник станции.

И на этом они расстались.

– Я с вами не разговариваю, – сказал Питер сёстрам, когда они втроём забрались на холм. – Шпионы и предатели – вот вы кто!

Но девочки были слишком рады, что Питер сейчас с ними, на свободе, и что они направляются к «Трёх Трубам», а не в полицейский участок. Поэтому они не стали придавать значение его обидным словам.

– Мы же признались, что виноваты не меньше, чем ты, – осторожно заметила Бобби.

– Но ведь это неправда.

– Мы бы повторили свои слова даже в суде перед судьями, – сказала Филлис. – Не злись на нас, Питер. Это не наша вина, что твои секреты так легко раскрыть. – Она взяла брата под руку, и он не стал возражать.

– Одно радует, что в погребке ещё много угля, – проговорил Питер.

– Ой, не напоминай! – воскликнула Бобби. – Тут нечем гордиться.

– Знаете, – сказал Питер, собравшись с духом, – я даже сейчас не уверен, что добыча полезных ископаемых является преступлением.

Но девочки были совершенно уверены в ином. Кроме того, они не сомневались, что в глубине души Питер думает точно так же.

Глава III. Старый джентльмен

После того, что приключилось с Питером на станции, дети решили больше не ходить туда, но они просто не могли держаться вдали от железной дороги. Всю свою жизнь Питер, Бобби и Филлис провели рядом с шумными городскими улицами, где были слышны грохот колёс кэбов и омнибусов, а также многочисленных тележек, которые могли появиться из неоткуда и сбить вас с ног. Это были тележки торговцев мясом, пирожками, подсвечниками. (Кстати, вы когда-нибудь видели сами подсвечники на их тележках? Я – нет!) Здесь, в тишине размеренной сельской жизни, единственное, что напоминало им о старой жизни, – это грохочущие поезда. На склоне холма, расположенного напротив «Трёх Труб», шесть детских ножек ежедневно вытаптывали тропинку в сухом дёрне. Дети уже знали время прибытия всех поездов и даже дали каждому имя.

Направляющийся на юг поезд, который делал остановку в девять пятнадцать утра, назывался Зелёным Драконом. Поезд, шедший на север с остановкой в семь минут одиннадцатого, получил прозвище Червь из Уонтли. Полуночный городской экспресс, пронзительный свист которого иногда заставлял детей просыпаться посреди ночи, они прозвали Ужасным Ночным Летуном. В одну из таких ночей Питер при холодном свете звёзд увидел мчащийся экспресс и сразу же придумал ему такое название.

Именно на Зелёном Драконе прибывал один старый джентльмен. У него было очень доброе лицо – одно из тех лиц, глядя на которые можно сразу же определить, что перед тобой хороший человек. Он всегда был гладко выбрит, со здоровым румянцем и седыми волосами, выглядывающими из-под необычного цилиндра – такие не часто увидишь. А ещё у него был необычного кроя воротничок. Конечно, дети сначала не замечали этого. Первое, на что они обратили внимание в старом джентльмене, была его рука.

Это было как-то утром, когда они втроём сидели на подоконнике в ожидании Зелёного Дракона, который, если верить часам Питера – подарку на день рождения, опаздывал на три минуты.

– Зелёный Дракон едет к папе, – сказала Филлис. – Если бы это и вправду был дракон, то есть живое существо, мы бы могли остановить его и попросить передать папе, что мы его очень любим.

– Драконы ничего не передают, – покачал головой Питер. – Они выше этого.

– А вот и не правда, – не согласилась Филлис. – Просто для начала их следует приручить. Тогда они будут слушаться команд «возьми» и «принеси». Меня беспокоит, почему же папа не пишет нам.

– Мама говорит, что он сейчас очень занят, – сказала Бобби, – но скоро он сможет нам написать.

– А давайте все вместе махнём к Зелёному Дракону! – предложила Филлис. – Если он волшебный, то он поймёт нас и передаст папе, как мы его любим. Но если это не так, то ничего страшного, просто помашем ему вслед.

И вот, когда Зелёный Дракон вырвался со свистом из своего тёмного логова-туннеля, они втроём уже стояли на соседнем пути и изо всех сил махали ему своими карманными платочками. В тот момент их совсем не беспокоило, были ли чистыми их платки или нет (по правде говоря, не были).

Вдруг из вагона первого класса им в ответ помахала чья-то рука. У пассажира была очень чистая рука, и в ней он держал газету. Это была рука старого джентльмена.

С тех самых пор у них вошло в обычай махать поезду, приходящему в четверть десятого.

И детям, особенно девочкам, нравилось думать, что, возможно, старый джентльмен знает папу и, встретившись с ним по важному делу, расскажет ему, как его дети стоят на рельсах и передают ему свои приветствия каждое утро независимо от того, светит ли солнце или льёт дождь.

Да, теперь они могли выходить из дома, не спрашивая разрешения. Даже в такую ненастную погоду, в которую в городе им бы не позволили даже переступить за порог. Всё благодаря их тёте Эмме. Пусть она и не была самой ласковой тётей в мире, зато она купила им тяжёлые ботинки и водонепроницаемые дождевики, которые теперь оченьгодились. А ведь сначала дети только смеялись над этими вещами!

Мама почти всё время была занята и непрестанно писала. Она отправляла множество своих рассказов в длинных голубых конвертах, а с почты ей то и дело приносили большие конверты другого формата и цвета. Иногда она вздыхала, когда открывала их, и говорила:

– Мой рассказ вернулся в родной дом. Жаль, конечно! – И дети жалели об этом вместе с мамой.

Но иногда она начинала махать конвертом и восклицать:

– Ура, ура! Вот толковый редактор! Вот здесь его одобрение!

Сначала дети думали, что «одобрение» означает письмо, написанное толковым редактором, но вскоре они узнали, что этим словом мама называла листы бумаги с напечатанным на них рассказом.

Всякий раз, когда редактор оказывался толковым, у них к пятичасовому чаю подавался десерт в виде вкусных булочек.

Однажды Питер отправился в деревенскую лавку за булочками, чтобы отпраздновать толковость редактора «Детского глобуса», и встретил начальника станции.

У Питера было время подумать о своём недавнем поведении, и теперь он ступешался. Мальчику совсем не хотелось здороваться с начальником станции: слишком уж неловко ему было – даже уши покраснели от мысли, что начальник станции станет разговаривать с тем, кто совершил столь дурной поступок, как кража. «Кража» – это страшное и унижительное слово, но Питер чувствовал, что оно было правильным. Именно поэтому он низко опустил голову.

Но начальник станции поздоровался первым:

– Доброе утро!

И Питер ответил:

– Доброе утро.

Ему в голову пришла мысль, что, возможно, начальник станции его просто не узнал. Ведь если бы узнал, то точно бы не стал здороваться.

Эта мысль была настолько неприятной, что Питер бросился за мужчиной. Тот остановился, услышав позади себя быструю поступь мальчишеских ботинок, и, обернувшись, увидел красноухого Питера, который от быстрого бега даже немного задыхался.

– Вы напрасно были со мной вежливы. Если бы вы меня узнали, то не стали бы здороваться.

– Хм, – недоумённо хмыкнул начальник станции.

– Я был уверен, что вы меня не узнали, когда поздоровались со мной... Это ведь я... взял у вас уголь, – продолжал Питер. – Мне жаль, что так получилось. Вот.

– Ах, ты об этом, – понимающе сказал начальник станции, – уверяю тебя, я и не думал об угле, когда с тобой поздоровался. Это в прошлом. А куда это ты так спешишь?

– Меня послали купить булочки к чаю, – ответил Питер.

– Ты же говорил, что вы бедны, – заметил начальник станции.

– Так и есть, – заверил его Питер. – Но, когда мама продаёт рассказ или стихотворение в журнал, она всегда даёт каждому из нас полпенса, чтобы купить десерт к чаю.

– О, значит твоя мама – писательница?

– Да, мамини истории самые лучшие на свете! – с гордостью признался Питер.

– Ты должен гордиться тем, что у тебя такая умная мама, – сказал начальник станции.

Питер кивнул:

– Я горжусь ей, только вот раньше, когда она не была такой умной, она с нами часто играла.

– Вот оно что... Я сейчас спешу по одному делу. Но вы с сёстрами можете приходить на станцию, когда захотите. А что касается угля, так предлагаю просто забыть об этом и больше не упоминать тот случай, договорились?

– Спасибо, – поблагодарил Питер. – Я очень рад, что между нами всё разрешилось!

И после этой встречи Питер вприпрыжку побежал через мост, проходящий через канал, к лавке пекаря. Мальчик почти летел и чувствовал невероятную лёгкость впервые с того самого дня, как был схвачен посреди кучи угля.

На следующий день, после того, как они снова послали своё троекратное приветствие Зелёному Дракону и старый джентльмен помахал им в ответ, Питер с гордым видом повёл сестёр на станцию.

– Разве нам туда можно? – сомневалась Бобби.

– После той истории с углём, – пояснила Филлис.

Питер сделал вид, будто не услышал слова Филлис, и как ни в чём не бывало сказал:

– Вчера я повстречал начальника станции. Он заверил меня, что мы можем приходить на станцию в любой день, когда пожелаем.

– После той истории с углём? – повторила Филлис. – Стойте! Мой шнурок снова развязался.

– Он у тебя вечно развязан, – проворчал Питер. – Да будет вам известно, что начальник станции и вовсе забыл об угле! Он настоящий джентльмен, и вам следует взять с него пример и тоже забыть о том случае.

Филлис молча завязала шнурок и продолжила путь, но старшая сестра увидела, как затряслись её плечи и большая слеза скатилась с носа и упала на рельсу.

– Что тебя так расстроило, милая? – спросила она, остановившись и взяв её за руку.

– Питер сказал, что я веду себя не как джентльмен, – рыдала Филлис. – А я ведь никогда не говорила, что он ведёт себя не как леди, даже когда он привязал мою любимую куклу Кло-ринду к столбу и сжёг её на костре, играя в мучеников!

Питер действительно учинил подобное злодеяние год или два тому назад.

– Если честно, то ты его расстроила, снова начав разговор об угле, – честно сказала Бобби. – Может, каждый из вас признает, что был неправ, и простит другому обиду?

– Если Питер согласен, то и я согласна, – решила Филлис, всхлипнув.

– Хорошо, – сказал Питер. – Я – за. Фил, пожалуйста, возьми мой носовой платок! Похоже, свой ты опять где-то оставила. И как только ты умудряешься их всё время терять?

– Ты же сам взял мой платок, чтобы подвязать им дверцу в крольчатнике! – возмутилась Филлис. – Какой же ты жестокий! В одной книге стихов совершенно справедливо говорится о том, что жестоко обижать беззубого малыша, но ещё более жестоко называть его беззубым. Так нам объяснила мисс Лоу.

– Хорошо! – согласился Питер, потеряв терпение. – Я прошу прощения! Теперь вы пойдёте на станцию?

На станции дети познакомились с носильщиком и провели вместе с ним два весёлых часа. Он был достойным человеком и, казалось, не уставал отвечать на их бесчисленные «почему», которые так быстро надоедали взрослым из светского общества.

От него дети узнали много нового, о чём раньше им никто не рассказывал, например, что штуки, которые сцепляют вагоны, называются муфтами, а трубки над муфтами, похожие на больших змей, нужны, чтобы останавливать поезд.

– Представьте, мчится поезд. Если дёрнете за эту ручку, то он резко остановится. А вы когда-нибудь видели в вагонах такой кран, над которым написано, что если вы им воспользуетесь без необходимости, то вас оштрафуют на пять фунтов?

– А что будет, если воспользоваться им без необходимости? – спросила Роберта.

– Поезд остановится, – объяснил носильщик. – Но стоп-кран можно сорвать только в том случае, если вам грозит опасность. Однажды была история: над старушкой подшутили, сказав ей, что если дёрнуть кран, то откроется комната отдыха. Она и дёрнула за него, хотя её жизни ничего не угрожало – она просто была голодной. Когда поезд остановился и в вагон вошёл полицейский, чтобы узнать, что случилось, она встретила его словами: «О, принесите мне, пожалуйста, вино и бутерброды». Тогда поезд опоздал на семь минут.

– Что же полицейский ответил пожилой леди?

– Я не знаю, – признался носильщик, – но бьюсь об заклад, его слова, какими бы они ни были, она никогда не забудет.

За столь увлекательными беседами время на станции пролетало незаметно.

Начальник станции выходил иногда из своей уютной святыни за закрытыми дверями (то есть из кабинета рядом с кассой, где продают билеты) и присоединялся к их разговору, искренне радуясь обществу детей.

– Как будто он и не поймал нас на воровстве угля, – прошептала Филлис своей сестре.

Он дал каждому из них апельсин и пообещал как-нибудь показать сигнальную коробку, когда не будет сильно занят.

Несколько поездов промчались мимо не останавливаясь, и Питер впервые заметил, что у них, как и у кэбов, есть номера.

– Верно, – подтвердил носильщик его наблюдение, – я даже знавал одного молодого человека, который взял из оптового магазина своего отца зелёную тетрадь с серебряными уголками – и всё для того, чтобы записывать в ней номера поездов.

Питер рассудил, что он тоже может записывать номера поездов. Конечно, у его папы не было оптового магазина и мальчику неоткуда было достать зелёную тетрадь с серебряными уголками, но зато носильщик с радостью дал ему жёлтый конверт, на котором Питер сразу записал следующее:

379

663

Он сразу понял, что это будет очень интересная коллекция.

За чаем Питер спросил у мамы, нет ли у них дома тетради в зелёной обложке с серебряными уголками. Мама ответила, что именно такой тетради нет. Но когда он поведал ей, зачем ему понадобилась тетрадь, она вручила ему чёрную записную книжку.

– Отсюда вырвано несколько страниц, – сказала она, – но всё равно сюда поместится много номеров. Когда ты её испишешь, скажи мне, и я дам тебе другую. Я очень рада, что вам полюбилась железная дорога. Только прошу вас не ходить по шпалам.

– Даже если встречный поезд ещё очень далеко? – с отчаянием в голосе спросил Питер.

– Нет, всё равно нельзя.

И тогда Филлис спросила:

– Мама, неужели ты никогда не ходила по путям, когда была маленькой?

Их мама всегда говорила правду, поэтому она ответила:

– Да, я ходила по путям.

– Тогда ты должна понять нас, – заметила Филлис.

– Мои дорогие, вы даже не представляете, как сильно я люблю вас. Что я буду делать, если вы пострадаете?

– Значит, ты любишь нас больше, чем твоя мама любила тебя, когда ты была маленькая? – допытывалась Филлис.

Бобби старательно посылала знаки младшей сестрёнке, чтобы та замолчала, но Филлис, похоже, её не понимала.

Мама с минуту просто молчала. Она поднялась, чтобы налить воду в чайник, и, вернувшись, ответила:

– Никто и никогда не любил никого сильнее, чем моя мама любила меня.

Потом она вновь замолчала и Бобби воспользовалась этим, чтобы пнуть младшую сестру под столом. Она была старше и понимала, что маму взволновали воспоминания о детстве, когда весь мир её мамы заключался в ней одной. Всем известно, что, когда происходит что-то плохое, нужно бежать за помощью к своей маме, даже если ты уже давно вырос. Бобби могла представить, как должно быть грустно, когда не к кому бежать.

Поэтому она ещё раз пнула Филлис, на что та спросила её:

– Почему ты пинаешь меня, Бобби?

Мама слегка улыбнулась и, вздохнув, сказала:

– Вы должны быть уверены в том, куда и по каким путям идут поезда. И не выходите на рельсы возле туннеля и на опасные места, где пересекаются пути.

– Поезда, как и повозки, придерживаются левой стороны, – сказал Питер. – Поэтому, если мы будем держаться правее, мы обязательно их увидим.

– Ну хорошо, – согласилась мама.

Вы наверняка удивитесь её ответу и, возможно, даже решите, что ей не следовало давать своё согласие, но она вспомнила то время, когда сама была малышкой; и ни вы, ни дети – никто не сможет оценить, чего ей стоило согласиться. Лишь немногие чувствительные натуры, например Бобби, смогут отчасти её понять.

На следующий день маме пришлось остаться в постели, потому что у неё раскалывалась голова. Поднялась температура, в горле першило, и она отказалась от еды.

– На вашем месте, душа моя, я бы незамедлительно послала за доктором, – сказала миссис Вайни. – Даже с простудой нельзя быть беспечными. Взять хотя бы мою старшую сестру: она перенесла грипп на ногах и потом получила осложнения... Два года назад переболела, под Рождество, а всё ещё не вполне пришла в себя.

Мама долго не соглашалась, но вечером ей стало гораздо хуже. Питера послали в дом, где возле калитки росли три лавра, а на медной дощечке было написано: «Доктор У.У. Форрест».

Мистер Форрест незамедлительно отправился осмотреть больную. По дороге он вёл беседу с Питером. Он показался мальчику самым обаятельным и здравомыслящим человеком, интересующимся железными дорогами, кроликами и другими действительно важными вещами.

После осмотра он сразу же сообщил, что у мамы грипп.

– А теперь, маленькая леди, – обратился он в холле к Бобби, – полагаю, вы захотите исполнить роль старшей медсестры.

– Конечно, – незамедлительно согласилась девочка.

– Хорошо, тогда вскоре я пришлю вам лекарства. Обязательно поддерживайте в печи огонь. Приготовьте крепкий говяжий бульон, чтобы дать его больной, как только температура опустится. А сейчас она должна есть виноград, говядину и молоко с содой. Также советую вам купить бутылку бренди. Лучшего бренди. Дешёвый бренди хуже яда.

Девочка попросила его записать все назначения на бумагу, что доктор и сделал.

Когда Бобби показал этот список маме, та рассмеялась. По крайней мере, слабый и странный звук, который вырвался из маминого горла, напомнил Бобби смех.

– Чепуха! – воскликнула мама, лёжа в постели с блестящими, как яркие бусины, глазами. – Я не могу позволить себе всё это. Скажи миссис Вайни сварить два фунта шеи барашка, вам достанется мясо, а я выпью немного бульона. И принеси побольше воды, доченька. И ещё. Ты не могла бы протереть мои руки и ноги губкой?

Роберта послушно выполнила мамины просьбы. Когда она сделала всё, что могла, она направилась к брату и сестре. Щёки у неё горели, губы были сжаты, а глаза сверкали почти так же ярко, как у мамы.

Она передала младшим слова доктора и то, что сказала после этого мама.

– А теперь мы должны что-то сделать, – заключила она. – Никто, кроме нас, нам не поможет. У меня есть только шиллинг, который мама дала на покупку баранины.

– Мы можем обойтись без этой чёртовой баранины! – воскликнул Питер. – Мы легко проживём на одном хлебе с маслом. Люди, попадающие на необитаемый остров, едят намного меньше, и ничего.

– Конечно, – кивнула Бобби.

И дети послали миссис Вайни в деревню за бренди, содой и ингредиентами для говяжьего бульона, дав ей на расходы единственный шиллинг.

– Но даже если мы начнём голодать, – сказала Филлис, – мы всё равно не сможем собрать нужную сумму, чтобы купить всё, что в списке.

– Верно, – согласилась Бобби, нахмурившись, – мы должны найти какой-то другой выход. Давайте хорошенько подумаем, что нам делать.

Поразмыслив над этим, дети обменивались друг с другом идеями. А позже, когда Бобби направилась в комнату мамы, чтобы быть поблизости на случай, если ей что-то понадобится, её брат и сестра достали ножницы, белые листы бумаги, кисти и горшок с чёрной краской, которую миссис Вайни использовала, чтобы красить каминные решётки. У них не получилось с первого раза то, что они задумали, и им пришлось достать ещё один лист. В тот момент они не боялись того, что портят листы, которые стоят больших денег, потому что были уверены: они делают единственно правильное дело. А вот что именно они делали, вы узнаете чуть позже.

Кровать Бобби перенесли в комнату мамы. Несколько раз за ночь девочка вставала, чтобы не дать огню в печи погаснуть и поднести к маминым губам молоко с содой. Мама много бормотала во сне, но Бобби не могла различить, что именно она говорит. А однажды мама внезапно проснулась и крикнула:

– Мама, мама!

И Бобби знала, что она зовёт бабушку и что из-за жара она совершенно забыла, что бабушка умерла.

Рано утром Бобби услышала, как мама вновь зовёт, но на этот раз её. Девочка подбежала к маминой кровати.

– Ох, я думала, во сне я звала тебя, – сказала мама. – Мой бедный утёночек, как же ты, наверное, устала! У тебя со мной столько хлопот!

– Забота о тебе для меня не хлопоты! – сквозь слёзы проговорила Бобби.

– Ах, не плачь, сладкая, – попросила мама. – Я буду в порядке через пару дней.

Бобби попыталась улыбнуться:

– Конечно, мама.

Если вы привыкли крепко спать по десять часов в день и вдруг вам пришлось просыпаться по три-четыре раза за ночь, чтобы проведать больного, то вам наверняка будет казаться, будто вы вовсе не смыкали глаз. Бобби пошатывало, она страдала от рези в глазах, но, несмотря на это, всё-таки заставила себя убраться в комнату к приходу доктора.

Он пришёл в половине девятого.

– Как у вас дела, старшая медсестра? – спросил он у входной двери. – Вы приобрели бренди?

– Да, – ответила Бобби, – вон он в маленькой бутылочке.

– Так, а что-то я не вижу виноград и бульон! – возмутился он.

– Да, сейчас их нет, – твёрдо сказала Бобби, – но завтра обязательно будет. А мясо для бульона уже тушится в печи.

– Где ты научилась готовить? – спросил доктор.

– Я видела, как это делала мама, когда Фил болела свинкой.

– Отлично! – воскликнул мистер Форрест. – А сейчас скажите вашей помощнице по дому, пусть посидит с нашей больной, а вы должны будете хорошенько поесть и поспать до ужина. Мы не можем позволить захворать нашей старшей медсестре.

Он был действительно хорошим доктором.

Когда поезд в четверть десятого выехал из туннеля, старый джентльмен отложил свою газету и приготовился помахать трём детям, которые всегда выходили на путь. Но сегодня он увидел лишь одного из них. И это был Питер.

И что ещё более необычно, Питер не стоял на соседнем пути. Он стоял в стороне, и поза у него была как у дрессировщика, который выступает с животными в цирке, или как у

священнослужителя, показывающего указкой на сцены из Евангелия при свете волшебного фонаря.

Питер тоже указывал на что-то. Рядом с ним висел приклеенный к стеклу плакат. На нём крупными чёрными буквами было что-то написано.

Конечно, некоторые из букв были кривыми, потому что Филлис ещё плохо владела кисточкой, но всё равно прочесть послание было совсем не трудно.

Вот что старый джентльмен и ещё несколько пассажиров поезда прочли на плакате:

ВЫГЛЯНИТЕ ИЗ ОКНА НА СТАНЦИИ.

Многие последовали этому указанию и, когда поезд остановился на станции, были разочарованы, ибо не увидели ничего необычного. Старый джентльмен тоже выглянул наружу, и поначалу он тоже не увидел ничего необычного: кругом лежал всё тот же гравий, освещённый солнечным светом, и росли незабудки по краям газона. И лишь когда поезд начал пыхтеть и качнулся, чтобы продолжить свой путь, он заметил Филлис. Запыхавшись, она только что прибежала на станцию.

– О, – выдохнула она, – я уж подумала, что вы уехали... Мои шнурки постоянно развязывались, и я дважды упала из-за этого. Вот, это вам, прочтите, пожалуйста! – И она успела вложить джентльмену в руку тёплое, влажное письмо.

Старый джентльмен, устроившись поудобнее, начал читать письмо, в котором было написано следующее:

«Уважаемый господин, увы, Вашего имени мы не знаем.

Наша мама болеет, и доктор велел купить ей всё то, что вы найдёте в списке в конце этого письма. Мама сказала, что мы не можем себе позволить

такие траты. Сейчас мы варим баранину, едим мясо, а мама пьёт только бульон. Мы здесь никого не знаем, кроме Вас, наш папа куда-то уехал, но его адреса у нас нет. Папа обязательно расплатится с Вами, как только ему вернут деньги, а если не вернут, то с Вами расплатится Питер, когда он станет взрослым мужчиной. Мы даём Вам честное слово, что обязательно возместим траты за те вещи, которые нужны сейчас нашей маме.

P.S. Пожалуйста передайте посылку начальнику станции, потому как мы не знаем, когда вы поедете обратным поездом. Скажите ему, что это для Питера, который очень жалеет о той истории с углём.

Роберта, Филлис и Питер».

Затем джентльмен прочёл список вещей, которые велел приобрести доктор. Просмотрев список один раз, он удивлённо поднял брови. Он прочитал его второй раз и слегка улыбнулся. Прочитав его трижды, он положил письмо в карман и продолжил листать утренний «Таймс».

Примерно в шесть часов вечера в боковую дверь постучали, и дети сразу же бросились открывать. Это оказался тот самый носильщик, который рассказывал им так много нового о железной дороге. Он занёс на кухню большую корзину.

– Один джентльмен, – начал он, – попросил меня отнести вам это как можно скорее!

– Большое спасибо, – поблагодарил Питер, а затем, видя, что носильщик не собирается уходить, добавил: – Мне очень жаль, что я не могу дать вам два пенса, как обычно делал папа ...

– А я бы их ни за что не взял у тебя! – с негодованием ответил носильщик. – Я и думать про это не думал. Я только хотел сказать, что мне жаль, что ваша мама заболела, и хотел спросить, как она себя чувствует сегодня вечером. И ещё я нарвал ей немного сладкого шиповника. Чувствуете, как он вкусно пахнет? Придумали тоже, два пенса! – С этими словами он приподнял шляпу и извлёк оттуда пучок шиповника – как фокусник, отметила потом Филлис.

– Большое спасибо, – сказал Питер, – и я прошу прощения за два пенса.

– Ладно уж, забыли, – проворчал носильщик, хотя выглядел при этом вполне дружелюбно.

Как только он ушёл, дети принялись рассматривать, что в корзине. Сверху была солома, затем показались слои оберточной бумаги, а под ней дети обнаружили всё то, о чём они просили, и даже больше: персики и виноград, портвейн, две куры, картонная коробка с растущими в земле большими красными розами на длинных стеблях, бутылочка лавандовой воды и три маленьких пузырька одеколона. Затем, дети увидели письмо и прочитали его.

«Дорогие Роберта, Филлис и Питер, здесь всё, что вам нужно.

Ваша мама захочет спросить, откуда у вас эти вещи. Скажите ей, что это от друга, который услышал, что она заболела и направил вам посылку. Когда она выздоровеет, вы, конечно, должны рассказать ей правду. И если она скажет, что вам не следовало просить ни о чём, передайте ей, что я считаю, что вы поступили правильно, и надеюсь, что она простит меня за то удовольствие, которое мне доставило ваше поручение».

Внизу стояли инициалы «Г.П.» и завитушки, которые дети не смогли разобрать.

– Я думаю, мы всё сделали верно, – сказала Филлис.

– Конечно, верно, – подтвердила Бобби.

– Я с вами согласен, – поддержал сестёр Питер, держа руки в карманах, – только пока не будем говорить маме всю правду.

– Да, лучше не волновать её, пока она не выздоровеет, – согласилась Бобби. – Я уверена, когда ей станет лучше, она не будет ругать нас из-за таких пустяков. Какие красивые розы! Я сейчас же их отнесу ей наверх.

– А как пахнет шиповник! – вздохнула Филлис, наслаждаясь сладким ароматом. – Не забудь отнести ей и шиповник.

– Обязательно! – сказала Роберта. – Мама мне недавно рассказала, что там, где она жила в детстве, была живая изгородь из шиповника.

Глава IV. Безбилетница

Остатки бумаги и краски ушли на то, чтобы написать следующий плакат со словами:

ОНА ПОЧТИ ПОПРАВИЛАСЬ, СПАСИБО!

И это было показано Зелёному Дракону приблизительно через две недели после появления в их доме чудесной корзины. Старый джентльмен увидел плакат и весело помахал им рукой из поезда. После этого дети единогласно решили, что пришло время поведать маме всю правду о том, что они предприняли, пока она была больна. Это оказалось не так просто. Но Бобби, Питер и Филлис всё рассказали. Мама редко сердилась, но в этот раз она разозлилась не на шутку. Это было ужасно. Но стало ещё хуже, когда она вдруг начала плакать. Плач вообще штука заразная, как корь или коклюш. И вот они все вчетвером вдруг расплакались, и комната наполнилась горькими рыданиями. Мама первая успокоилась, вытерла слёзы и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.